

**ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТИ
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Наука, теория, истина, парадигма

АННОТАЦИЯ. На основе анализа радикальных изменений, происходящих в науке, включая ее социально-гуманитарный сегмент, рассматриваются проблемы истинности научного знания. Эти изменения анализируются с точки зрения перехода от постклассической к постнеклассической стадии развития науки, в ходе которых трансформируются представления об истине, критериях ее проверки и т.д.

Letyagin Leonid Ivanovich

**THE PROBLEM OF TRUE
KNOWLEDGE IN POST-NON-CLASSICAL SCIENCE.**

KEY WORDS: Science , theory, truth, paradigm.

ABSTRACT. The article dwells on the problems of true knowledge in contemporary science including humanitarian segment. These changes are connected with the transition from the "classical" to "post-non-classical" stage of science development and the consequent changes in the concepts of truth, its evaluation criteria etc.

Говоря о развития науки сегодня, принято говорить о революционных изменениях которые претерпевает она сама

и все основные аспекты её понимания: 1) как системы знания; 2) познавательной деятельности — ее целей, принципов, средств, регулятивов; 3) социального института, выполняющего определенные функции в социальной системе, что является одним из важнейших условий функционирования и развития общества.

При этом, несмотря на разнообразие точек зрения на происходящие процессы, затрагивающие собственно сферу научного знания — его целей, содержания, методов, принципов, способов организации (институционализации) и т. д., речь идет об общем в понимании и оценке сегодняшнего этапа развития науки как продолжающегося перехода от ее классической стадии (формы) существования «через» неклассическую к постнеклассической.

Указанный переход, занимающий достаточно длительный исторический период, представляет собой последовательное изменение типов рациональности, критериями отличия которых, как показал В. С. Степин, выступают особенности: 1) системной организации исследуемых объектов и типов картины мира; 2) средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженных в специфике философско-мировоззренческих оснований науки [См.: 1, с. 249-251].

Тем самым речь идет об изменении в понимании эпистемологических требований к получению и оформлению истинного знания, т. е. к смене научной парадигмы.

Если кратко сформулировать ее суть, то она заключается в признании периферийности таких принципов истинности, как наглядность и эмпирическая проверяемость теоретических положений и, самое главное, того, что между познающим разумом и объектом его познания существует «по-

средник» — человеческая деятельность.

С этих позиций научный разум теряет свою суверенность и предстает как разум, детерминированный культурой, содержанием которой являются, помимо предшествующего теоретического знания, различного рода нормы, ценности, мировоззренческие установки, представляющие собой конкретно-историческое и иерархическое системное единство.

Это означает переход к пониманию научного знания с точки зрения «принципа антропности», согласно которому «наличие наблюдателя не только меняет картину наблюдения, но в целом является необходимым условием для существования материальных основ этой картины» [2, с. 415], как открытой, изменчивой системы, главной особенностью которой оказывается *плюралистичность истинных утверждений*.

Возникновение «новой парадигмы» означает признание большинством научного сообщества того, что истина, как результат познавательного процесса, оказывается *многомерной*.

«Вопреки классической эпистемологии, — отмечает В. Г. Федотова, — истина, в настоящее время, может быть истолкована не как воспроизводство (слепок) объекта в знании, а как характеристика способа деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен плюрализм истины и, следовательно, исключается монополия на истину» [3, с. 50].

Тем самым в качестве требования и критерия истинности знания и «научности» методологии его «получения» считается «соотнесенность характеристик получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. При чем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненауч-

ными, социальными ценностями и целями»[4, с.634]. Мерой истинности знания оказывается степень его адаптивности к общественным потребностям, интересам, ценностям, его способности решать *прикладные* практические задачи.

Это закономерно приводит к изменению представлений о критерии истинности (ложности) тех или иных теоретических утверждений или теорий в целом — истинным оказывается то, что в данном интервале является ценным, т. е. благом. Именно поэтому развитие «постнеклассической» науки предполагает преодоление той принципиальной и полярной в «классической» и менее «жесткой» в «неклассической науке» демаркаций, разделявших и противопоставлявших ценность и знание. В этом случае «размывается» то противопоставление о котором постоянно говорится в многочисленных исследованиях АО философии науки, а именно — полярная противоположность научного знания и идеологии.

«Постнеклассическая» рациональность начинает рассматривать не только научные знания с точки зрения их прагматической ценности, но *сами эти ценности как форму знания*.

Это закономерно воспроизводится в социально-гуманитарной эпистемологии, где обусловленность социальной теории социокультурными факторами не только признается, но считается одним из главных признаков истинного знания.

Достаточно определенно об этом высказывается Х.-Г. Гадамер, когда, рассматривая эпистемологию исторического познания, пишет, что это «означает не принижение исторического познания, но момент истины. Обусловленность даже может мыслиться как необходимый составной элемент истины, если человек не хочет оказаться заложником этой самой обусловленности. Здесь должно считаться как раз „на-

учным“ — разрушить фантом истины, оторванной от места нахождения познающего»[5, с. 10].

Такая позиция находит свое обоснование в виде более или менее сформировавшейся точки зрения на необходимость отказа от приоритетности эпистемологического формата анализа науки, когда проблема различий «между ней (идеологией. — Л. Л.) и наукой «снимается» путем их функциональной интеграции»[6, с. 66].

В применении к социальным теориям их статус как научного (истинного знания), в противоположность идеологизированному оказываются амбивалентным такими переменными, как 1) время существования; 2) масштаб распространения; 3) количество сторонников; 4) меры влияния на формирование мировоззрения индивидов, групп и их поведение; 5) степень «пригодности» к использованию в политической борьбе за власть (ее изменение и сохранение).

В результате анализа этих переменных обнаруживается, что научная социальная теория приобретает все признаки идеологии.

Более того, нельзя не заметить, что указанные признаки совпадают и с признаками научной парадигмы, из чего следует, что или научная парадигма наполняется идеологическим содержанием, или обретает в функциональном аспекте статус исторически определенной формы «научной идеологии».

В пользу такой трансформации говорит хотя бы то, что если в рамках последней нет значимых конфликтов, конкуренции и противоречий, хотя есть относительное разнообразие «акцентов», то межпарадигмальная конкуренция носит значительно более острый характер, одним из свидетельств чему было противостояние марксистско-ленинской диалектико-материалистической социальной парадигмы и «буржу-

азных социальных фальсификаций», что однозначно рассматривалось как форма *идеологической* борьбы.

Формирование и обоснование необходимости «новых» отношений, возникающих между объектом и субъектом познания в «постнеклассике», когда культурные ценности включаются в содержание научного знания в качестве важнейшего и необходимого уровня его структурной организации и как методологии и как результата с закреплением за последним свойство репрезентативности (представления) делает проблематичным критерий истинности или ложности такого рода представлений.

Для общественнознания же признание фактически *любой возможной* интерпретации объекта как истинной означает радикальное изменение его научного статуса.

«Инфляция» истины в форме абсолютизации ее относительности («текучести») наиболее «предметно», пожалуй, проявляется, например, в возникновении «новых отношений» между наукой, идеологией и религией. Последняя начинает рассматриваться как равноправный участник в процессе создания «карты сущностей».

Это объясняется тем, что религия обладает теми же свойствами, что и «постнеклассическая» наука, а именно: 1) истинности как ценности; 2) привлекательности; 3) полезности.

Вот что пишет по этому поводу Д. В. Пивоваров: «Не всякая полезность истинна и привлекательна. Не все привлекательное истинно и полезно. Общество по-разному настроено на приятие или неприятие научных теорий и религиозных учений. Привлекательная доктрина (теория) очень быстро распространяется в обществе, даже если ее истинность и полезность еще не установлены» [7, с. 581-582].

Тем самым ни научная, ни религиозная теория не мо-

гут идентифицироваться по шкале «истинного» или «ложного» знания, это равнозначные парадигмы.

Если научная истина включает в себя оценочный (субъективный) компонент в качестве одного из важнейших конституирующих признаков, то религия делает то же самое.

Это проявляется в том что «вместо объявления религиозного знания ложным, не соответствующим действительности учением о *реальности*, его провозглашают одним из многих, равно имеющих право на существование способов *субъективного восприятия реальности*, в отношении которых неприменимы категории истинности-ложности, как в отношении художественного творчества» [8, с. 73].

Не менее дискуссионным представляются и те взгляды, согласно которым критерием истинности научного знания заявляется степень «направленности (науки. — Л. Л.) на поиск истины и рост истинного знания в синтезе с поиском и реализацией гуманистических идеалов» [9, с. 87].

Но нельзя забывать то, что обоснование истинности научных знаний направленностью к решению общечеловеческих, глобальных проблем, может оказаться предметом манипулятивного воздействия, в ходе которого в разряд этих проблем целенаправленно включаются те, которые считаются «полезными» здесь, сейчас или в более или менее отдаленной перспективе, что означает использование авторитета науки в обеспечении реализации какого-либо «проекта», позиционируемого соответствующим общечеловеческим ценностям, целям «прогресса». Тем самым наука включается в идеологический алгоритм в качестве его важнейшего элемента, обуславливающего эффективность социального (политического) управления.

То, что «гуманистические ценности» всегда подвергались интерпретации в интересах определенных групп и ин-

ституты, выдававших «свои» ценности и идеалы за «всеобщие», не требует особых доказательств. Но в условиях информационного общества такого рода надделение, как «снятие» их априорности и объективности, облегчается благодаря возможностям, предоставляемым многообразными средствами и технологиями воздействия на сознание и мотивы поведения социальных субъектов.

Но не подвергаются ли эти ценности, включая их иерархию, сознательной целенаправленной интерпретации в угоду интересам определенных групп, социальных институтов и прежде всего институтов власти?

«В насковозь организованном обществе, — подчеркивает в этой связи Х.-Г. Гадамер, — каждая группа интересов разворачивается по мере ее экономической и социальной власти. И научное исследование она оценивает также согласно тому, в какой мере его результаты будут полезны или вредны ее собственной власти. В этом отношении любое исследование должно опасаться за свою свободу, и любой естествоиспытатель знает, что его открытия с трудом могут добиться признания, если они невыгодны господствующим интересам»[5, с. 11].

Тем самым, становится императивно необходимым не только переход «к конкретному анализу этических регулятивов научного знания, моральных коллизий, возникающих с развитием биомедицинских технологий и осознанием ядерной опасности»[10, с. 19], экологического кризиса и т. д.

Это не вызывает сомнений.

Речь следует вести и об оценке тех политических «проектов», осуществление которых не менее, если не более опасно для человечества, тех идеологий, которые способствуют этому, объявляя себя единственным носителем «абсолютного» выразителя «всеобщего» блага.

Но для такой оценки требуется новая рефлексия взглядов на развитие общества как процесс исключительно *прогрессивного* развития, осознание того, что этот процесс содержит в себе реальные и противоположные объективные альтернативы (в том числе — возможность регресса и катастрофы) и «проекты», выбор из которых не телеологичен, что «невидимая рука» исторической необходимости (Гегель) или необходимости экономической (К. Маркс) — это рука человека, осознанно или неосознанно делающего этот выбор и подчиняющего историю своей «человеческой необходимости».

Указанная задача может быть решена только посредством тщательной, методичной, целенаправленной ориентации общественознания в рамках философского дискурса как «новой» рефлексии понятий прогресса, науки и идеологии, их содержания, функций и целей, общечеловеческих ценностей, свободы, власти и т. д., имеющей своей задачей формирование той культурной идентичности человека, которая бы способствовала сохранению целостности общества, его функционированию и дальнейшему развитию.

Отсюда следует, что своеобразие ситуации, сложившейся в отношениях науки и идеологии, сегодня определяет значимость (ценность) установления корреляционных связей между ними.

Необходимость их формирования, развития и сохранения заключается в том, что в научном творчестве необходимы: 1) переход от парадигмы достижения истинной «картины мира» к вопросам о «потребном» образе мира, который должен стать нормативным императивом, индивидуальным и цивилизационным «смыслом»; 2) перенос акцентов с проблем познания социальной субстанции на проблематику перспектив человеческого бытия с точки зрения ценностно-

целевых модусов как общечеловеческих идеалов, которые способствуют (противоречат) сохранению (уничтожению) человечества; 3) пересмотр приоритетов (иерархии) социальных ценностей и определения главных (стратегических) целей и средств развития человечества; 4) отказ от деклараций и целенаправленное формирование идеологических конструкций, способствующих решению этих задач.

Для этого и социальные науки, и идеологические концепции должны сформировать «общий предмет» своего интереса — поиск и обоснование тех универсальных, разумных, морально привлекательных принципов, на основании которых только и возможно сохранение и прогрессивное развитие общества, и соответственно, развитие гуманитарного знания.

Литература:

1. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В.С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура. — СПб, Издательский дом «Мирь», 2009.
2. Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки. Учебное пособие для аспирантов. / В.П. Кохановский, Т.Г., Лешкевич, Т.П Матяш, Т.Б. Фатхи. — Ростов н/Дону: Феникс, 2008.
3. Федотова, В. Г. Классическое и неклассическое в социальном познании / В.Г. Федотова // Общественные науки и современность. —1992. —№ 4.
4. Степин, В. С. Теоретическое познание: монография / В. С. Степин. — М. : Прогресс-Традиция, 2000.
5. Гадамер Х.-Г. Истина в науках о духе / Х.-Г. Гадамер. // Топос. — 2000. —№ 1.

6. Тузиков, А. Р. Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса массмедиа : моногр. / А. Р. Тузиков. — М. : Соц.-гуманит. знания, 2002.
7. Пивоваров, Д. В. Философия религии / Д. В. Пивоваров. — М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2006.
8. Шахов М.А. Реализм как общая основа религиозного и научного знания/ М.А. Шахов //Вопросы философии. — 2008. — №10.
9. Прохоров, М. М. Наука и современность / М. М. Прохоров // Философия и общество. — 2013. — № 1.
10. Огурцов, А. П. Страстные споры о ценностно-нейтральной науке / А. П. Огурцов // Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание / Х. Лэйси. — М. : Логос, 2001.